

ОБ ОДНОМ СОЦИАЛЬНОМ ТЕРМИНЕ В НОВОИРАНСКОМ:

خĒL (X^vĒL) “РОД, КЛАН, ПЛЕМЯ”

Гарник Асапрян

Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван

Abstract

The article traces the historical background and origin of the enigmatic term خیل [xĒl/xayl/xeyl] with a wide range of meanings (“family, clan, household, tribe, etc.”), which is attested in classical New Persian, Pashto, Kurmanji, and in Talishi (as خویل [x^vĒl]), being at the same time a stable toponymic formant in the place-names of the South Caspian region, predominantly of Mazadaran.

Keywords: *Social Terminology in Iranian, Persian xĒl/xayl/xeyl, Pashto xĒl, Iranian Etymology, South Caspian Toponymy*

Аннотация

Данная статья – попытка исторического анализа загадочного термина, встречающегося в форме خیل [xĒl/xayl/xeyl] в ряде иранских языков – в классическом персидском, афганском, курманджи и талышском (в форме خویل [x^vĒl]) – с широким спектром значений (“семья, клан, род, племя и т.д.”), выступая также в роли топоформанта в названиях населенных мест в южнокаспийском регионе, преимущественно в Мазадаране.

Ключевые слова: *Социальная терминология в иранском, персидское xĒl/xayl/xeyl, пашто xĒl, иранская этимология, южнокаспийская топонимия*

1. В вышедшем сравнительно недавно в Иране “Словаре иранских диалектов”, который включает разрозненный лексический материал из иранских диалектов и наречий в арабо-персидской графике и с латинской транскрипцией, приводится слово *xovīl* из талышского говора деревни Лавандавил (на севере провинции Гилян в Тавалеше, южнее Астары) со значением *dūd mān*, т.е. “семья, семейство, род” (Aḡarī 2008: 167). Язык талышей этого ареала, включая также Анбаран, Намин, Астару и сопредельные районы, принадлежит к северному диалекту и, за исключением отдельных отличий в вокализме, почти идентичен языку их сородичей в Республике Азербайджан. Слово взято из некоего печатного источника, изданного в Иране, который, к сожалению, не указан.

В поисках новых свидетельств этой несомненно важной лексемы, мною были просмотрены все имеющиеся в моем распоряжении иранские публикации по талышским диалектам, включая южные (Фуман и т.д.). Увы, данного слова в них не нашлось. Более того, и в языке азербайджанских талышей оно, судя по всему, не имеет хождения – во всяком случае, такой незаурядный знаток североталышской словесности, автор фундаментальных работ по талышской лексикографии, как Фахраддин Абсозода, вовсе не слышал о нем. Дальнейшие изыскания непосредственно на месте, как и у выходцев из региона, также не дали результата. Оставалось предположить случай-

ную запись неким местным пандитом редкого слова, утерянного в языке, хотя мне порою казалось, что мы имеем дело, скорее, с неким *ghost-word* и не более; к тому же, вокализация формы на основе персидского написания виделась мне сомнительной.

К счастью, вскоре в прилегающем к Масале населенном пункте мне все же удалось записать исконное слово у пожилого талыша и уточнить его произношение. Кстати, он объяснял его по-персидски как *tabār, xāndān, tāyefe, qabīle* и утверждал, что “ныне это слово никто не помнит”. В устах информанта оно звучало как *x^vēl* или *xūēl* – так, как я и предполагал. Ясно, что *xovīl* – чисто персидская интерпретация, навеянная письменной фиксацией формы в арабской графике, *خويل*, которая допускает, наряду с *x^vēl*, множество вариантов чтений, а именно: *xovīl*, а также *xovēl, xavīl, xevīl, xavēl* и т.д. Таким образом, подтвердилось наличие в талышском вышедшей из употребления лексемы *x^vēl* в значении “семья, клан, семейство; племя”.

Далее следовало определить родословную этого загадочного слова, некогда выступавшего в качестве социального термина в талышском. Напрашивается параллель, прежде всего, с перс. *xvēš* с допущением **-š->-l-* в новозападноиранском (см. Asatrian/Наkobian 2018: 302-305; Asatrian 2019). Однако исконное соответствие этой формы имеется в талышском, и оно выглядит иначе (см. ниже). И еще, **ху-(*һу-)* в этом языке, по сути, всегда теряет лабиальный элемент, либо совсем пропадает – в зависимости от места ударения. Когда ударение падает на непосредственно следующую гласную, мы имеем *х-* или *һ-*: *hōva/xōva* “сестра” < *xvāhar, хаš*, “здравие; хороший” (*xašajōnī* “здоровье тела”) < *xvāš* (*хоš* “приятный” — явный персизм), *hašī/xašī* “солнце” < *xvārs(ēd)*, *hōna* “клик, призыв, зов” < *xvān-*, *hōn* “сон” < др. иран. **xūāfnīa-* (перс. *xvāb* < **xūāpa-*), *hōr* “корыто для кормления животных” < **xūārijā-*, и т.д. Когда же ударение падает на второй слог в двусложном слове, то группа теряется: *aštan/ašdan* “свой, свое, своя; сам, сами” < *xvēš(tán)*.

Таким образом, тал. *x^vēl* не может быть вариантом *xvēš*, но это социальный термин, бесспорно соотносящийся с *xēl/xayl/xeyl* в ряде иранских языков, в том числе восточных, — в персидском, курдском и афганском (пашто) — и с *xeyl*, распространённым формантом в мазандаранской топонимии, образующим этнонимы типа *Gāleš-xeyl* (букв. “деревня галешей”), *Kord-xeyl* (букв. “деревня курдов”), *‘Arab-xeyl* (букв. “деревня арабов”), *Šīraj-xeyl* (дсл. “деревня семьи/клана Ширадж”) и т.д. Та же лексема в качестве коллективного множественного показателя (суффикса) выступает и в некоторых памирских диалектах (например, в сариколи), а также и в западных иранских наречиях — в сангесари (Семнан) и в керманшахи (в форме *-eyl*).

2. Перс. *xēl (xayl/xeyl)* значит “племя, клан, семья; народ; множество; собрание /скопление людей; свита; процессия”. Дехода (Dehrodā 1993: 8964-8965) и Steingass (2008: 493) переводят его как “всадники, кавалерия, войско; лошадь”, вероятно, под влиянием араб. *خيل [xayl]* (мн. ч. *xuyūl/axyāl*) в значениях “лошади (коллективное обозначение); всадники, кавалерия”, между тем как базовые значения перс. лексемы, т.е. “клан, племя и т.д.”, упоминаются ими, как, впрочем, и большинством персидских лексикографов, лишь вскольз.

A BQ (*Burhān-i qāṭi*'), пожалуй, наиболее, надежный из классических персидских *фархангов*, вообще считает *xēl* арабским заимствованием, заодно приписывая слову значения "сообщество, клан/племя", которые на самом деле чужды арабскому *xayl* (s. v.).

В современном персидском *خیل*, конечно же, читается как *хеул*, но в классический период оно звучало с *yāy-i tajhūl* как *xēl*, а в редких случаях—под влиянием арабского—*xayl*. Это ясно видно в языке классической поэзии, в частности в "Шахнамэ", где *خیل* часто рифмуется с *اردبیل*, названием города Ардабиль, несомненно, артикулировавшемся тогда (в X веке) с *-ē*- маджхулом, т.е. *Ardabēl*. Например:

بزرگان که از بردع و اردبیل
به پیش جهاندار بودند خیل

"Великие (мужи), которые были из (городов) Барда и Ардабэль,/ Столпились (составили группу) перед царем (букв. "хозяином мира")" (*Šāhnāma*, ed. Xāleqī-Moṭlaq, vol. 4: 179). Или еще:

سپاهی که از بردع و اردبیل
بیامد بفرمود تا خیل خیل
بیایند و در پیش او بگنزند
رد و موید و مرزبان بشمرند

"Войско, которое пришло из (городов) Барда и Ардабэль,/ (Царь) велел по группам,/ Пройти и маршировать перед ним, / (Дабы дать ему возможность) сосчитать героев, духовенство и правителей провинций" (там же: 229). А также:

دو فرزند ما را کنون با دو خیل
بباید شدن تا در اردبیل

"А теперь двум нашим сыновьям следует двумя свитами/ Поехать до ворот Ардабэла" (там же, vol. 2: 461).

Что касается семантического спектра рассматриваемой лексемы, то в классическом новоперсидском она обозначала именно общность людей, социальную группу, преимущественно клан/племя и семью. Ср. у Низами Ганджави (XII в.):

نه چندان دوستی دارم دلایز
که گر روزی بیافتم گویدم خیز
نه چندانم کسی در خیل پیدااست
که گر میرم کند بالین من راست

"Нет у меня сколь-нибудь сердечных друзей, / Чтобы сказать мне: "Встань!", если я упаду в один день; / (И) не видно сколь-нибудь (близких) людей в (моем собственном) клане, /Чтобы поправить мою постель, когда я умру".

Или в *Muṣībat-nāma* Аттара Нейшабури (XII-XIII вв.):

میان خیل خود آن عالم افروز
عروسی کرد و عشرت چل شبانروز

"Среди своего клана (семьи/племени) тот Освещающий вселенную/Устроил свадьбу и кутёж сорок дней и ночей" ('Aṭṭār Neyšābūrī, apud Šafī'ī-Kadkanī 2009: 173).

Значение "племя" для *xēl* хорошо просматривается в гибридном персидско-тюркском термине *خیل تاش* [xēl-tāš], встречающийся в *Tāgīx-i Bayhaqī* (XI в.) (apud

Ḡanī/Fayāz 1983: 6 et passim; также BQ: s. v.), который переводится как *ham-qabīla*, *ham-ṭāifa*, т.е. “соплеменник, вышедший из одной и той же общности”.

Показательный пример словоупотребления *xēl* отмечен в многократно встречающемся в “Шахнамэ” парном сочетании *خیل و سپاه* [*xēl-ū-sipāh*], которое следует понимать, как “народ и войско (армия)”.

А созданный с *xēl* композит *خیل خانه* [*xēl-xāna*] (с *خانه* [*xāna*] “дом”) в значении “семья, клан, род” представляет интересный пример, когда слово “дом, помещение” выступает в роли форманта, обозначающего абстрактное понятие общности: подобно тому, как название езидской этно-религиозной общины, *Ezdī-xāna*, букв. означает “езидская общность (“езидская обитель”), *xēl-xāna*—букв. “обиталище семьи/клана/племени”. Такая же семантическая модель лежит в основе образования термина *Yāres(t)ān*—названия крайнешиитской секты в Иране (также называемой Ахл-и-хакк или Али-иллахи), буквально означающее “местопребывание/дом возлюбленных (братьев)” (см. Аракелова 2013).

Сложное слово *xēl-xāna* часто встречается в классической поэзии. Ср. у Саади (XIIIв.):

آنکه را پادشاه بیاندازد
کسش از خیل خانه ننوازد

“Если низвергнет кого-либо царь, /(Он) не поддержит (не приблизит к себе) никого из (его) семьи”.

Или у Хакани Ширвани (XIIв.):

چون سخن گو سخن به آخر برد
در زد آتش به خیل خانه ی کرد

“Когда говорящий закончил свою речь, /Семья курда растерялась (букв. “семью курда обьял огонь”).

Интересно, что в топонимии Армении и юго-восточного Кавказа несколько населенных пунктов и горная вершина носят название *Iuḥiḥuš* [*Xil-xana*] (см. Ališan 1890: 277).

Кстати, произношение *خیل* в классическом персидском с *uāy-i majhūl* подтверждается и фиксацией этого слова в *Истории* армянского автора XIII в. Киракоса Гандзакеци (*Ganjakes‘i*, apud Hovhannisyān 2010: 136): *երկու եղբայրք, [...] ր հաւսնիւծէալ ի քրդաց ի բարհրաշախն իւելէն*—“Два брата, которые были отделены от курдов племени Бабир (*babirakan xelen*)”.

И, наконец, в новозападноиранском слово *xēl* в значении “племя, клан, семья” засвидетельствовано и в части северокурдских диалектов, в курманджи. А в восточноиранском *xēl* как устойчивый социальный термин употребляется в тех же значениях в афганском (пашто).

На основе именно *xēl* возникло в новоперсидском весьма употребляемое ныне наречие *خیلی* [*xēlī/xeulī*] “много”, по аналогии с более ранними формами *بسی* [*basē/basī*] “тж.” и *دیری* [*dērē/dīrī*] “долго; много”. Суффикс *-ē*, квалифицируемый персидской грамматической традицией как *uāy-e keθrat*, восходит, несомненно, к *-ēv* (<**aiṣa-*).

Одно из первых свидетельств خلی в персидском отмечено в поэме *Вис и Рамин* поэта ХІв. Фахраддина Гургани:

بسی گاه است دیری (خیلی) روزگار است
که نادانیت بر ما آشکار است

“(Вот уже) много времени/, Как невежество твое очевидно для нас” (apud Todūā/Gvāxāryā 1970: 57, N119).

Кстати, в “Шахнамэ”, например, خلی [xēlē/xeylī] ни разу не встречается.

3. Итак, очевидно, что перед нами слово, воплощающее в себе две разные формы с близкой семантикой и почти одинаковым фонетическим обликом: 1) арабское *hayl* “лошади (коллективно); кавалерия, всадники” и персидское/ новоиранское *xēl* “социальная единица, племя, клан, семья, народ; свита, процессия и т.д.”. Контаминация этих двух лексем произошла на иранской почве в процессе распространения арабского языка на ираноязычных территориях. Этому способствовало их формально-семантическое сходство. Араб. *hayl*—исконное слово и имеет семитскую этимологию (см. Murtonen 1990: 180), происхождение же новоиран./перс. *xēl* остается доселе спорным, а, вернее, оспаривается само его существование.

Иранская этимология Ф. Андреаса для афг. *xēl* (apud Morgenstierne 1927: 96), из др.-иран. **xuai-tu-* (ср. авест. *xuuaētu-* “соплеменник, принадлежащий одному и тому же клану/семье, член *ntāna-*”), поддержанная В. Айлерсом (Eilers 1954: 346), была удалена редакторами второго посмертного издания книги Г. Моргенштерне (Morgenstierne 2003: 95) на том основании, что иран. начальная группа **xu-* должна была остаться неизменной в афганском, в то время как тут губной компонент отсутствует.

Действительно, как для афганского, так и для курдского, потеря лабиального элемента в указанной группе вызывает серьезные сомнения в исконности *xēl* в этих языках, хотя *-l-* из **-t-* (через **-δ-*, то есть **xvēδ*)—явление вполне закономерное в афганском, отмеченное и в западноиранских диалектах (см. Asatrian/Hakobian 2018).

В пашто *xēl* обозначает преимущественно клан, большую семью, мелкие племенные подразделения, например, *Ismā'il-xēl*, *Mūsā-xēl*, *Aḥmad-xēl* и т.д. Главы этих кровно-родственных групп называются *sardār-xēl*. Большие же племена или племенные конфедерации обозначаются формантом *-zāy* (<**zāta-*), как *Barak-zāy*, *Ḥasan-zāy*, и т.д. В пашто *xēl* употребляется и в параллельном персидскому قوم و خوش [qauṃ-u-x'ēš] сочетании قوم و خیل [qauṃ-u-xēl] в значении “близкие родственники, семья”.

Как бы то ни было, вероятность того, что довольно устойчивый социальный термин, функционирующий и поныне среди обитателей двух крайних ареалов иранской ойкумены (среди афганцев на востоке и курдов на западе), оставляя в стороне даже тальшское *x'ēl* и случаи грамматикализации в отдельных диалектах в качестве суффикса коллективной (абстрактной) множественности, является простым заимствованием из маргинальной арабской лексемы, слишком мала.

Таким образом, потеря лабиального компонента в группе **xu-* могла произойти под влиянием араб. *hayl*, а, следовательно, иран. *xēl* не может быть объяснено

иначе как из др.-иран. *xuai-tu- (через ступень $x^v\bar{e}l < *x^v\bar{e}d$, прослеживаемая в талышском) как пережиток древнеиранского социального термина, засвидетельствованного в авестийском *xuuaētu-* (см. Bartholomae 1904: 1858-1859; Benveniste 1932: 121-130).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аракелова В. (2013), “О термине *yāresān*”, *Караван: Памяти Ю.А. Рубинчика* (специальный выпуск под редакцией В.Б. Иванова): 43-48.
- Ađarlı G. (1387/2008), *Farhang-e vāžegān-e gūyešha-ye Irān*, Tehran.
- Ališan L. (1890), “Uti”, *Bazmavēp*, Venetik.
- Asatrian G. (2019), “Frog in Persian and *-š- > -l- Change in Western New Iranian”, *Studia Litteraria Jagellonicae Cracoviensis*, vol. 14 (Special Issue): 33-37.
- /Hakobian (2018), “On -d- > -l- and -š- > -l- in Western New Iranian”, *Iran and the Caucasus*, vol. 22 (3): 297-307.
- Benveniste E. (1932), “Les classes sociales dans la tradition avestique” *Journal Asiatique*, vol. XXII: 117-134.
- Bartholomae Ch. (1904), *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg.
- Dehxodā A. (1993), *Loyatnāme*, Tehran.
- Eilers W. (1954), “Der Name Demawend”, *Arch. Or.* XXII.
- Ганї/ Fayāz ‘A. -A. (eds.) (1362/1983), *Tārīx-i Bayhaqī*, Tehran.
- Hovhannisyān L. (2010), *Grabari bařaran: Nor Haykazeān bařaranum č ‘vkayvac bařer*, Erevan.
- Morgenstierne G. (1927), *Etymological Vocabulary of Pashto*, Oslo.
- (2003), *New Etymological Dictionary of Pashto*, Wiesbaden.
- Murtonen A. (1990), *Hebrew in its West Semitic Setting: A Comparative Survey of Non-Masoretic Hebrew Dialects, and Tradition*, Leiden-Boston.
- Steingass F. (2008), *Persian-English Dictionary*, New Delhi.
- Šafi‘ī-Kodkanī M.-R. (ed.) (1388/2009), *Mošibat-nāme-ye ‘Aṭṭār-e Neyšabūrī*, Tehran.
- Todūā M./Gvaxaryā A. (eds.) (1970), *Faxraddīn Gurgānī, Vīs u Rāmīn*, Tehran, 1349.